

Неизвестные страницы археологических путешествий Н. П. Кондакова

Резюме. В статье на основании архивных документов освещаются ранее неизвестные факты экспедиций Н. П. Кондакова в Палестину и Македонию. При организации Палестинской экспедиции 1891 г. Н. П. Кондакову от лица руководства Императорского православного палестинского общества была вручена секретная инструкция, согласно которой ему предписывалось, помимо исследования ряда христианских святынь, собирать статистические сведения о православном населении. Эти сведения были необходимы Православному палестинскому обществу для расширения своего влияния в регионе и противодействия устремлениям Иерусалимской патриархии. Этим объясняется максимально щедрое финансирование предприятия со стороны Православного палестинского общества. В 1900 г. Н. П. Кондаков возглавил Македонскую экспедицию Петербургской Академии наук, перед которой была поставлена задача собрать сведения об этнической ситуации в регионе и определить, есть ли какие-либо исторические и научные подтверждения претензиям Сербии и Болгарии в Македонии. Отчеты сотрудников экспедиции уже в начале 1902 г. поступили в Военное министерство Российской империи. Главный вывод из их информации заключался в том, что границы расселения болгар и сербов в Македонии близки границе Болгарии и Сербии, определенной Сан-Стефанским договором и отвергнутой Берлинским конгрессом. Эти документы были использованы при подготовке визита российского военного министра А. Н. Куропаткина на Балканы в 1902 г.

Ключевые слова: экспедиции, Кондаков, Палестина, Македония, Сербия, Православное палестинское общество, Иерусалимская патриархия, Военное министерство, политика.

Smirnov A. S. Unknown pages of N. P. Kondakov's archaeological journeys. Based on the archival documents, the article reveals the previously unknown facts of the expeditions to Palestine and Macedonia led by N. P. Kondakov. When the Palestinian expedition of 1891 was being organized, the leaders of the Imperial Orthodox Palestine Society gave N. P. Kondakov secret instructions, which prescribed that he not only investigate a number of Christian shrines but also gather statistics on orthodox population. The Orthodox Palestine Society needed this information to extend their influence in the region and to counteract the Jerusalem patriarchy's aspirations. This explains the most generous financing of the enterprise on the part of the Orthodox Palestine Society. In 1900 N. P. Kondakov headed the Macedonian expedition under the auspices of the Saint-Petersburg Academy of Sciences, which aimed to gather information about ethnic situation in the region and to identify if there was any historical and scientific evidence of Serbia and Bulgaria's claims in Macedonia. As early as the beginning of 1902, reports by the expedition participants were submitted to the Ministry of War of the Russian Empire. The major bottom line of these documents consisted in that borders of Serbian and Bulgarian settlements in Macedonia lay close to the frontier between Bulgaria and Serbia specified in the Treaty of San Stefano and rejected by the Congress of Berlin. These documents were used to prepare the visit of the Russian Minister of War A. N. Kuropatkin to the Balkans in 1902.

Key words: expeditions, Kondakov, Palestine, Macedonia, Serbia, The Orthodox Palestine Society, the Jerusalem Patriarchy, Ministry of War, politics.

В 1891 г. императорское Православное палестинское общество (ИППО) организовало самое масштабное археологическое мероприятие за всю свою историю — «Особую Палестинскую ученую экспедицию». Ее целью было обследование памятников по маршруту «из Бейрута, через Дамаск и Гауран, по Заиорданию и до Иерусалима». Общество выделило на проведение экспедиции 20 261 руб. 10 коп. — наибольшую сумму, когда-либо предоставлявшуюся ИППО на подобные нужды. Для сравнения можно сказать, что годовой бюджет Русского археологического института в Константинополе, открытого тремя годами позже, в 1894 г., составлял всего 12 000 рублей (Басаргина 1999: 27). Беспрецедентным было и число участников экспедиции — 27 человек, которых сопровождал внушительный караван из 40 вьючных животных (АВПРИ. Ф. 161. Разряд II. Род 10. Оп. 49. 1891 г. Д. 1. Л. 20). Экспедицию возглавил Н. П. Кондаков. В ее состав также входили профессор А. А. Олесницкий, Я. И. Смирнов, фотограф И. Ф. Борщевский, художники А. Д. Кившенко и Н. А. Околович (Кондаков, 1904: 47). Хронология самой экспедиции, ее результаты прекрасно изданы Н. П. Кондаковым в 1904 г. в виде солидного фолианта, снабженного многими иллюстрациями. Этот труд стал настольной книгой для многих поколений историков и искусствоведов.

Почему археологическое путешествие, главной целью которого было только осмотр и обследование древних памятников, получило столь серьезную материальную и организационную поддержку? Неужели перспектива издать роскошный труд по христианским древностям Палестины подвигла ИППО на столь существенные траты? В это верится с трудом, тем более что недостаток финансовых средств был перманентной проблемой общества.

Чтобы понять побудительные мотивы действий ИППО, следует остановиться на некоторых специфических сторонах деятельности общества. Это своеобразное общественно-государственное объединение ставило своей целью в основном религиозную деятельность, но также — просветительскую и научную. Все это, в конечном счете, было направлено на утверждение и распространение влияния Российской империи в этой части света. В этой деятельности тесно сплелись интересы Русской православной церкви, а также интересы научные, дипломатические, военные. Палестинское общество всегда было источником информации для дипломатического ведомства России. Как писал в 1913 г. обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер, «имея же во всех даже незначительных местах православного Востока своих агентов, состоя в непосредственных сношениях с духовной и светской, высшей и низшей местной администрацией, издавая свои труды по изучению Святой Земли, Палестинское общество является в то же время для России незаменимым источником осведомленности в делах православного Востока» (Россия в Святой Земле 2000: 400). Наличие «второго плана» в деятельности общества отмечается с первых лет его существования и даже ранее. Еще до основания ИППО, в 1843 г., архимандрит Порфирий (Успенский), направленный в Палестину Святейшим Синодом, имел в перечне задач секретные поручения (Беляев 2001: 200). Подобная практика продолжалась все последующие годы.

Не стала исключением и «Особая Палестинская ученая экспедиция». Уже в первых вариантах «программы работ» экспедиции, составленной в недрах ИППО, присутствуют конфиденциальные задачи. «На Начальника экспедиции

возлагается секретное (здесь и далее подчеркнуто в подлиннике. — А. С.) поручение посетить, исследовать и описать Мары Ликийские¹ и в особенности развалины храма Св. Николая Чудотворца, а так же собрать в Святой Земле по возможности точные и подробные сведения о числе православных жителей и положении православных церквей и школ» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 597. Л. 7–8).

В этом поручении присутствуют две достаточно далекие друг от друга задачи, хотя обе они покрыты флером православного служения. Первая связана с перманентным стремлением ИППО увеличить свое влияние и расширить собственность в Палестине. Этими взаимосвязанными обстоятельствами во многом объясняется стремление к исследованию древнехристианских святынь. Интерес в России непосредственно к Мирам Ликийским, где до 1087 г. хранились мощи Св. Николая, имеет длительную историю. В середине XIX в., с подачи писателя А. Н. Муравьева, посетившего в 1850 г. Миры Ликийские, появилось идея получить здесь в российскую собственность участок земли с целью воссоздания храма и даже «Николай-града». Большую активность в попытках решения этой задачи проявил русский посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев.

В 1852 г. А. Н. Муравьеву удалось добиться фирмана на восстановление Мир-Ликийской церкви. В 1858–1860 гг. перед началом строительства на месте церкви произвел раскопки прибывший по приглашению вице-консула Дуцци Миры археолог и архитектор О. Зальцман, ранее исследовавший памятники Константинополя. Однако за недостатком средств полностью выполнить намеченные работы не удалось (Беляев 2001: 196–199; Лисовой 2006: 274–275).

Турецкое правительство к подобным идеям относилось весьма сдержанно, если не сказать настороженно. Более того, воспользовавшись тем, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. афонские монахи покинули русские владения в Мирах Ликийских, их место заняли представители греческой церкви. Турецкое правительство подтвердило правомочность действий вселенского патриарха. Немалую роль в этом сыграли подозрения в том, что Россия стремится создать военный оплот на Средиземном море. В 1879 г. Сиятельной Портой был издан указ, где говорилось о невозможности передачи русским мирликийской церкви по военным соображениям. Именно в 1891 г., в год экспедиции Н. П. Кондакова, Государственный совет Турции принял решение считать все российские земельные приобретения в этом городе потерявшими своих владельцев и отчуждаемыми в пользу государства.

В России, согласно указу Святейшего Синода от 1888 г., мирликийским вопросом занималось императорское Православное палестинское общество.

Хотя позиция турецкого правительства в этом вопросе имела явно антироссийскую направленность, Палестинское общество не теряло надежды. Оно предпринимало всяческие попытки в плане восстановления своего положения, одной из которых из которых и должна была стать «Особая Палестинская ученая экспедиция». В контексте ситуации, сложившейся в отношениях с турецким правительством, понятно желание ИППО не предавать огласке исследования христианских святынь.

¹ Мары (Миры) Ликийские — современный турецкий городок Демре.

Впоследствии программа экспедиции была значительно расширена и детализирована. В новой редакции она состояла из двух «Инструкций»: «Общей» и «Секретной». На секретной инструкции имеется помета «Утверждена ЕИВ Государем великим князем Сергеем Александровичем² 27 апреля 1891 г.». Содержание этой инструкции следующее:

«Секретная.

Инструкция Начальнику ученой экспедиции Императорского Православного палестинского общества.

Кроме тех обязанностей, которые возложены на Вас общей инструкцией экспедиции императорское Православное палестинское общество просит Вас принять на себя еще следующие три поручения, сохраняя их исполнение до возвращения в Россию в полной тайне.

1. Произвести основательные научные раскопки на Иерихонском месте, принадлежащем обществу. Так как испрошение особого фирмана для раскопок представляет большие затруднения то в виду пустынности места и принадлежности его обществу желательно было бы произвести раскопки без испрошения фирмана. Не разговаривая о раскопках ни с кем, не только с посторонним, но и между собою, дабы слух о них не распространился преждевременно, Вы условитесь вдвоем с уполномоченным Общества в Иерусалиме, как провести эти работы без лишнего шума и говора. Продолжайте работы, пока не поставят турецкого часового, и тогда прибегните к содействию императорского консула, вещи направляйте к уполномоченному общества в Иерусалиме и уговоритесь с ним принять меры по сохранению оставшихся на месте. Не уничтожайте без нужды находящиеся на месте посадки и строения, но если бы это было необходимо в виду важности Вы на сие уполномочиваетесь. Деньги на эти раскопки 1000 р. зол. [включены] к общей инструкции на непредвиденные расходы.

2. Ввиду предполагающихся на будущее время раскопок в окрестностях Тарнуна, Вы предпримите поспешив оные по возвратном пути, точно определить местность и разузнать в Константинополе обстоятельно правила относительно получения фирмана для раскопок.

3. Если время позволит по возвращении туда, очень желательно, чтобы Вы посетили с Вашим помощником развалины храма Св. Николая Чудотворца в Мире Ликийской, сняв по возможности план и снимки не производя раскопок и подробных исследований.

4. Посетить попутно местные селения, в которых находятся Православные, прилительный список их при сем прилагается. В особенности важны такие селения в Заиорданье и в особенности Хуссун, который следует посмотреть даже если он будет в стороне.

В каждом из них желательно получить возможно точные ответы на следующие вопросы:

- а. Сколько жителей в селении вообще
в том числе православных
мужчин и обоого пола
- б. Есть ли церковь и в каком виде (желательно фотография)
- в. Есть ли при ней священник и сколько он получает в год жалования

² Председатель императорского Православного палестинского общества.

- г. Есть ли школа и в каком виде (желательно фотография)
- д. Кем содержится
- е. Наемный ли дом, у кого и сколько за него платят
- ж. Кто учитель, где учился и сколько он в год получает жалования.

При уговоре с драгоманом поставьте принципиальным условием, чтобы над палаткой развивался русский флаг, если такого у него не отыщется, его не откажут дать Бейрут-Галлипольский консул, а в Иерусалиме уполномоченный общества.

Пом. пред.³» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 597. Л. 18).

Как мы видим, в секретной инструкции сохраняются две главные задачи, сформулированные в предыдущем варианте документа. Это исследование древнехристианских святынь и сбор статистических данных о православном населении. Но эти задачи по сравнению с первоначальной версией значительно расширены и детализированы.

В разделе исследования древнехристианских древностей осмотр Мир Ликийских уходит на третье место. Согласно инструкции, их посещение экспедицией желательно, но не обязательно. Первостепенной задачей становятся раскопки на Иерихонском месте. Понимая, что турецкое правительство может и не дать фирман на право раскопок, авторы инструкции требовали проведения исследования во что бы то ни стало. Более того, требования соблюдения полной тайны при подготовке и проведении раскопок свидетельствуют о том, что руководство ИППО было уверено в отказе. Но стремление осуществить раскопки не останавливает даже возможный конфликт с местными властями. Н. П. Кондакову предписывают вести работы, «пока не поставят турецкого часового». И даже в случае подобного демарша властей постараться продолжить раскопки, обратившись «к содействию императорского консула». Планы проведения этих раскопок так тщательно скрывались, что даже средства на них были, в лучших традициях конспирации, «закопаны» в статью сметы «на непредвиденные расходы», которая являлась составной частью «Общей инструкции».

Оправданием подобной позиции ИППО может быть то обстоятельство, что правительство Сиятельной Порты постоянно препятствовало исследованиям российских ученых в Святой Земле, ставя различные препоны при получении фирманов на право раскопок и сопровождая их неприемлемыми, по мнению российских представителей, условиями. Среди последних требование оставлять 1/3 находок,⁴ по выбору турецких представителей, в стране. Тема русско-турецких взаимоотношений в области археологических исследований постоянно присутствует в секретной переписке российских дипломатических представителей с Петербургом.

³ Помощником председателя ИППО с 1889 по 1917 г. был полковник, впоследствии генерал-майор от кавалерии Михаил Петрович Степанов.

⁴ «Братья-славяне» ставили и более жесткие условия. Болгары при раскопках Плиски определили, что Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) получает «половину стоимости открытых материалов» и лишь при обнаружении «более одного одинаковых экземпляров» может в счет вознаграждения получить собственно сами предметы. Условием работ РАИК в Преславе было запрещение вывоза каких-либо предметов за границу Болгарии. Институт мог пользоваться ими только для изучения и публикации (Въжарова 1960: 206–207).

8. Что получают жалованья».

Н. В. Хитрово особо подчеркивает, что «для успеха необходимо, чтоб об этой поездке узнали только тогда, когда она будет окончена. Результаты этой поездки укажут, насколько Патриархия нас обманывала, и соответственно этому мы примем свои меры» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 24. Л. 124). Как видно, пункты Н. В. Хитрово и порядок выполнения этого предлагаемого поручения совпадают с положениями пункта 3 секретной инструкции Н. П. Кондакову, утвержденной в апреле 1891 г. Археологическое путешествие профессора оказалось как никогда кстати.

Показателен и выбор территории для исследования экспедицией — Заиорданье, где российское влияние в те времена было невелико. Недаром особо упоминался Хуссун, который «следует посмотреть, даже если он будет в стороне». По всей видимости, имеется в виду современный Эль-Хусн в Иордании, расположенный в 20 км южнее г. Ирбида. Этот район и в наши дни характеризуется компактным проживанием христианского населения. В селении Эль-Хусн и близлежащих селениях — Мадаба и Эль-Фухаис действовало много христианских церквей. В бумагах ИППО, датируемых 1885 годом, есть неоднократные упоминания о финансировании строительства православных церквей, в том числе в селении Хусса.

Хотя секретное поручение имело своим источником желание разобраться в достоверности сведений Иерусалимской патриархии, нельзя не признать, что подобное задание во многом соответствует представлениям того времени о порядке сбора «военно-статистических сведений». Формально список вопросов ограничен сведениями о территории распространения и составе православного населения Палестины, количестве и состоянии церквей, характере школьного образования. Но в комплексе подобные данные характеризуют социально-политическую ситуацию в Заиорданье. Эти свидетельства, несомненно, были чрезвычайно важны для ИППО, которое активно пыталось расширить сферу своего влияния в Палестине. Но они могли иметь значение и для иных ведомств империи.

Примечательно, что в 1889 г., за несколько лет до экспедиции Н. П. Кондакова, общество направило А. И. Гиппиуса и Д. Д. Гедеонова в турецкую Армению, Курдистан и Сирию для определения географических координат населенных пунктов (История отечественного востоковедения 1997: 109). В 1886 г. российский МИД с аналогичными секретными задачами направил своего чиновника, князя Ухтомского, в Монголию для собрания «точных сведений о положении тамошних инородцев-ламаитов..., уяснения внутренней организации сибирского ламайства и отношения его последователей к иерарху монгольских лам — Ургинскому Хутукту, а также и к другим ламайским святыням» (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 2. Л. 1). Близкие по составу сведения, но о населении российского Дальнего Востока на рубеже веков интересовали японских дипломатов и офицеров военной разведки. В перечень их заданий входил сбор сведений о количестве проживающих корейцев и японцев, их принадлежности к различным храмовым обществам и т. п. (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 759). Подобные действия вызывали нешуточное беспокойство гражданских и военных властей Российской империи. Так что данные, которые должен был собрать Н. П. Кондаков, имели, выражаясь современным языком, двойной — политический и военный — характер.

В своем «Археологическом путешествии» Н. П. Кондаков упоминает о проблемах, возникших у экспедиции в связи с эпидемией холеры, разразившейся в районе работ. Кордоны, выставленные в связи с этим, заставили путешественников изменить свой маршрут. Но члены экспедиции попадали и в более сложные положения. Консул в Иерусалиме А. П. Беляев сообщал послу в Константинополь, что в октябре 1891 г. экспедиция Н. П. Кондакова «была задержана в санитарном кордоне <...> на десятидневное пребывание в низменной нездоровой местности, без необходимой провизии и фуража». Консул уведомляет, что только благодаря его усилиям экспедицию удалось выволить из карантина (АВПРИ. Ф. 161. Разряд II. Род 10. Оп. 49. 1891 г. Д. 1. Л. 20, 21). Можно предположить, что препятствия, вызванные эпидемией холеры, не позволили экспедиции Н. П. Кондакова полностью выполнить поручения, означенные в «секретной инструкции». Но то, что они выполнялись, подтверждают раскопки на русском месте в Иерихоне.

Спустя несколько лет, в 1900 г., Н. П. Кондаков возглавил еще одну масштабную археологическую экспедицию — в Македонию. Это научное мероприятие на Балканах, как и путешествие Н. П. Кондакова в Палестину, также имеет свою предысторию.

В 90-х гг. XIX в. Балканы представляли собой политический узел, где переплетались интересы как великих европейских держав, так и стран, расположенных на самом полуострове. На рубеже веков камнем преткновения стала Македония. Вошедшая по Сан-Стефанскому договору в состав Болгарии, она в соответствии с Берлинским договором была возвращена Турции и стала источником постоянных взаимных претензий балканских государств, в первую очередь Болгарии и Сербии, а также Греции.

Напряженная ситуация в Македонии отразилась даже в отчетах Русского археологического института в Константинополе за 1898 г. «Опасность археологического изучения Македонии представляется ныне в ожесточенной борьбе болгарского и сербского элементов... От ожесточенной борьбы, которая в настоящее время ведется в Македонии между сербами и болгарами, остаткам славянских памятников угрожает гораздо более серьезная опасность, чем от турецкой нетерпимости или греческого филетизма.⁶ Так, не один раз мы видели очевидные доказательства, что болгары уничтожают греческие и сербские памятники или выскабливают и тщательно замазывают фрески с изображением сербских царей и соответствующими надписями...

Единственным мотивом для этого была политическая тенденция. Таким образом, для славянских памятников в настоящее время есть значительная опасность, если только болгарская церковная власть не обуздает непохвальную ревность некоторых ее представителей в Македонии» (Известия Русского археологического института в Константинополе 1899: 124–125).

Представления российской дипломатии о возможных территориальных претензиях Болгарии выражены в словах императорского консула в Солуне

⁶ Филетизм — тенденция поместных церквей приносить соборные интересы в жертву национально-политическим. В 1872 г. Константинопольский патриарх объявил филетизм ересью в связи с болгарской схизмой — самопровозглашением болгарским духовенством автокефалии.

Лишина, произнесенных в октябре 1897 г. «Россия высказала свое решительное мнение о пределах распространения болгарской народности, намереваясь создать болгарское Княжество в границах определенных Сан-Стефанским договором. В общем границы предполагавшейся Болгарии почти совпадают с границами распространения болгарской народности на Балканском полуострове» (выделено мной. — А. С.) (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2293. Л. 131–133). Аналогичных взглядов во многом придерживались и в научной среде. П. Н. Милюков прямо указывал, что объектом македонского вопроса «был вопрос о национальности населения Македонии» (Милюков, 1990: 191).

Несмотря на международное значение македонского вопроса, правительство России имело смутные представления о состоянии дел в этой части Балкан. Поэтому в 1900 г., в период наибольшего политического накала, в Македонию была послана экспедиция Петербургской АН, перед которой стояла задача разобраться с этнической ситуацией в регионе, постараться определить, есть ли какие-либо реальные исторические и научные подтверждения претензиям Сербии и Болгарии в Македонии. Свидетельством важности экспедиции являлось то обстоятельство, что она была послана по личному распоряжению «его императорского высочества августейшего президента Академии наук великого князя Константина Константиновича», который поручил ее руководство Н. П. Кондакову.

Кондаков, в свою очередь, писал министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву, что великому князю Константину Константиновичу было угодно возложить на него «поручение по исследованию Македонии в историко-этнографическом и археологическом отношении». В процессе подготовки экспедиции лета 1900 г. ученый вел переписку с великим князем, информируя его о деталях (АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 5484. Л. 10). В состав экспедиции входили «ординарный академик Никодим Павлович Кондаков, профессор Павел Николаевич Милюков, профессор Петр Алексеевич Лавров и архитектор Петр Петрович Покрышкин» (АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 5484. Л. 1), а также «художник-фотограф» Д. А. Крайнев (Результаты македонской экспедиции 1901: 688).

Как известно, П. Н. Милюков не пользовался благосклонностью правительства. Более того, при отъезде в Болгарию в декабре 1896 г. П. Н. Милюкову пришлось дать полицейским властям расписку о том, что, «находясь за границей», он не будет «заниматься никакими русскими политическими делами», а обязуется работать «исключительно в пределах должности» (Перегудова 2000: 539). В связи с подготовкой экспедиции российский МИД написал на П. Н. Милюкова такую характеристику: «Один из участников экспедиции Кондакова — Милюков, бывший приват-доцент Московского университета, в 1897 г. был профессором в высшей школе в Софии, откуда удален, по требованию России, за политическую неблагонадежность. В настоящее время состоит редактором “Мира Божьего”. Профессором или приват-доцентом, как его именуется Кондаков, Милюков не состоит» (АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 5484. Л. 12). Тем не менее П. Н. Милюков был включен в состав экспедиции. По всей видимости, мероприятию предавали такое значение, что ожидание успеха возобладало над сомнениями в верноподданности некоторых ее членов.

Следует отметить, что и Н. П. Кондаков, и П. Н. Милюков были настроены явно проболгарски. Позицию Кондакова в македонском вопросе характеризует

его оценка роли албанцев в этом конфликте: «Вековое нашествие албанцев может кончиться полной албанизацией страны (Македонии. — А. С.). Пора перестать вместе с парижскими туристами, ищущими сильных и красивых впечатлений, восхищаться живописными костюмами албанцев и рыцарским гостеприимством их бегов за счет несчастной славянской расы, ими жестоко эксплуатируемой и от них вымирающей». Именно в действиях албанцев, «покровительствуемых не только высшими турецкими властями в Стамбуле и местной администрацией, но и самой европейской дипломатией», по мнению академика, заключалась причина постоянной смуты и отсутствия гражданского порядка (Кондаков 1909: 2, 213).

П. Н. Милюков, незадолго до этого подвергшийся гонениям в России, получил в Болгарии право читать лекции в Софийском университете в течение пяти лет с ежегодным жалованием 18 000 левов в год, что превышало жалование профессоров-болгар. И даже когда он был лишен возможности читать лекции, ученый получил от болгар предусмотренное контрактом жалование в 60 000 франков (Милюков 1990: 188–190). Его проболгарское мировоззрение, его возмущение по поводу «одностороннего покровительства Сербии в ущерб Болгарии» не было секретом ни в России, ни в Болгарии (Милюков 1990: 190–196). Ранее, в 1897 г., П. Н. Милюков совершил самостоятельное путешествие по Македонии, впечатления о котором он публиковал в «Письмах с дороги», напечатанных в «Русских ведомостях» в 1898–1899 гг. Позиция автора по македонскому вопросу в них не скрывалась. Недаром впоследствии «Письма» были изданы в Софии (Милюков 1899).

Участник экспедиции 1900 г. профессор-славист П. А. Лавров также не делал секрета из своего политического интереса к македонскому вопросу. Отзываясь на события текущего времени, П. А. Лавров неоднократно выступал в широкой печати со статьями по балканской тематике (Лавров 1909, 1913, 1914). Трудно удержаться от мысли, что, помимо чисто научных заслуг руководителя и участников экспедиции, ее организаторы также приняли во внимание их политические пристрастия.

Организация и руководство экспедиции не были возложены на Русский археологический институт в Константинополе, который в 1898–1899 гг. уже проводил исследования в Македонии. Этому может быть несколько объяснений, в том числе сложные личные отношения Ф. И. Успенского и Н. П. Кондакова. Возможно, на решение о назначении Н. П. Кондакова повлияло впечатление от выполненного им ранее в Палестине секретного поручения ИГПО, санкционированного великим князем Сергеем Александровичем.

Внимание к этнической ситуации в Македонии, подогреваемое политическими интересами, проявляли и западные исследователи. Французские ученые, работавшие в Македонии, пришли к выводу, что жители этой страны утратили понятие о национальном различии своего славянского элемента, что два племени, под которыми разумеются болгары и сербы, так перемешались между собой на этой земле, что провести какие-либо границы нет возможности (Кондаков 1909: 5).

Македонская проблема привлекала большое внимание в России. Валерий Брюсов опубликовал статью по этому вопросу, в которой отстаивал права России на Балканах, закончив ее четверостишием:

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России
Нет, вам ее не запрудить!
(Брюсов 1903).

В «Русском инвалиде», официальной газете Военного ведомства, появилась обширная статья «Этнографические сведения о Македонии и Старо-Сербии» (Этнографические сведения о Македонии... 1889: 3–4), в которой рассматривались труды сербского исследователя С. Гопцевича, ранее — сторонника болгарской принадлежности македонского населения. Но в 1888 г. после поездки в Македонию и Старо-Сербию он неожиданно изменил свое мнение и опубликовал в Белграде труд о населении Македонии и Сербии. На основании полученных им данных, которые «относятся к области языка, народных обычаев, народных песен и истории», Гопцевич пришел к заключению, что «славянское население Македонии принадлежит не к болгарской, а к сербской народности». Этот вывод был сделан благодаря лингвистическим исследованиям, показавшим, что «македонцы говорят по-сербски, а не по-болгарски... В Македонии Гопцевичу не встретилось ни одного случая, когда бы жители не поняли его сербской речи». Лингвистические и этнографические наблюдения убедили автора, что болгарское владычество в Македонии «было лишь мимолетно» и не имело никакого влияния на местное сербское население. В статье сообщалось, что в ближайшее время С. Гопцевич намеревается выпустить обширный труд на эту тему с приложением детальных карт.⁷

Появление подобной статьи на страницах официального издания военного ведомства свидетельствует о значении, которое российские правительственные круги придавали исследованию этнической истории Македонии. Итоги поездки Н. П. Кондакова и его спутников в Македонию привели к выводам, противоположным заключению С. Гопцевича и французских ученых, но совпадавшим с позицией российских дипломатов, что, как нам представляется, было вызвано расхождением не только в чисто научных вопросах.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В докладе Н. П. Кондакова о результатах экспедиции, прочитанном им весной 1901 г. в Обществе любителей древней письменности и искусства и опубликованном в «Византийском временнике», о политических задачах экспедиции говорится весьма туманно. По словам академика, ее цель «заключалась в возможно полном изучении и обследовании главнейших центров Македонии со стороны сохранившихся здесь памятников и в точном воспроизведении этого материала в фотографических снимках», дабы «определить историческое значение Сербии и Болгарии в истории культуры различных местностей Македонии», для чего «были изучены и исследованы всевозможные памятники христианской археологии в самом широком смысле этого слова» (Результаты македонской экспедиции... 1901: 688). Поэтому Н. П. Кондаков информировал слушателей исключительно об итогах обследования древних храмов и монастырей, подчеркивая, что главным богатством экспедиции стал альбом, состоящий из 550 снимков этих святынь (Там же: 691).

⁷ Этот труд вышел в России (см.: Гопцевич 1899).

Но спустя восемь лет, когда были опубликованы материалы экспедиции, а македонский вопрос потерял для России свою остроту, Н. П. Кондаков уже не делал секрета из прежних политических целей. «Главнейшею задачей экспедиции было собрание материалов на месте для будущего историко-этнографического исследования важнейших местностей и пунктов в Македонии; целью было предложено стремиться к установлению таких научных историко-археологических и филологических оснований, которыми можно было бы воспользоваться в будущем при постановке крупного политического вопроса, образуемого как современным положением Македонии в Турецкой империи, так и отношениями к ней и ее племенному составу соседних стран и национальностей Балканского полуострова» (Кондаков 1909: 1).

Важнейшими «пунктами» Н. П. Кондаков считал «северо-западный угол Македонии... примыкающий к Шар-Планине и Черной Горе, хребтам, отделяющим Македонию от Старой Сербии», «область на юго-западной и южной границе Македонии, в соседстве с Грецией», «область, пограничную с верхнею Албаниею (Деборский округ)», «Среднюю Македонию, или область по реке Вардару», которая «является так же ареной борьбы чисто культурного характера... между славянским и греческим населением» (Кондаков 1909: 2). Как мы видим, Н. П. Кондаков в своем анализе «борьбы чисто культурного характера» четко обозначил основных оппонентов Болгарии в македонском вопросе — Сербию и Грецию.

Примечательно упоминание Н. П. Кондаковым реки Вардар. Напомню, что и Ф. И. Успенский призывал «признать наиболее важной в научном отношении задачу — археологическое изучение долин Вардара и Марицы» (СПФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 3). О реке Вардар как о естественной границе между сербами и болгарами после своего путешествия 1897 г. писал и П. Н. Милюков (Милюков 1990: 193). По мнению ряда исследователей, именно эту реку российская дипломатия в 1900 г. считала возможным рубежом при предполагаемом разделении Македонии между Болгарией и Сербией (Crampton 1983: 272).

Российские ученые имели весьма смутные представления об исторических памятниках и этнографической ситуации в Македонии. Как образно выразился Н. П. Кондаков, их знания были сопоставимы с данными о России в Европе «во времена Олеария, Флетчера и Герберштейна». И даже после целенаправленной подготовки к экспедиции ее участники смогли составить только «некоторое понятие о стране». Это «некоторое понятие» прилагалось к ранее сложившемуся мнению исследователей, что «в том отделе историко-археологическом и этнографическом, который относится к странам Балканского полуострова... нет ничего установленного и научно-определенного...» (Кондаков 1909: 4). «Литература Македонского вопроса, в особенности за последние 25 лет, способна не только смутить и привести в недоумение людей, искренно интересующихся этим вопросом, но и поселить в них надолго своего рода антипатию к этой полемике» (Кондаков 1909: 293). Но все эти неясности не помешали участникам экспедиции придти к однозначному выводу. «Путешествие по Македонии убеждает, что славянское ее население, прежде всего, совершенно цельно, едино и вполне своеобразно, и если представляет какие либо иные вкрапленные внутрь его элементы (по всей вероятности, сербские), то лишь в местах близ Скопии» (Кондаков 1909: 5).

Знакомясь с трудом Н. П. Кондакова, который он посвятил великому князю Константину Константиновичу, трудно избежать впечатления, что за всеми научными штудиями стоят политические пристрастия автора. Рассматривая историческую ретроспективу судеб различных славянских племен, Н. П. Кондаков заключает, что «сербы не утвердились прочно в Македонии, а в последствии, под напором турок, утратили из населенных ими земель более, чем болгары» (Кондаков 1909: 289). «В истории балканского полуострова важнейшая политическая роль явно принадлежит Болгарии... в лице македонских славян мы имеем определенную национальную группу, совершенно ясно примыкающую к народности, населяющую собственную Болгарию... Единственно справедливый вывод... требует предоставить почти всю Македонию болгарам, за исключением некоторых ее северо-западных местностей, примыкающих к Старой Сербии». А сторонники принадлежности «македонского населения к сербской национальности», по словам Н. П. Кондакова, стремятся «просто запутать весь вопрос, представить в Македонии, вместо одной национальной группы, помесь всевозможных рас, своего рода хаос».

Н. П. Кондаков в своем труде делает и чисто политические заявления о невозможности найти выход из существовавшего положения путем дарования Македонии автономии «под турецким управлением и при существовании албанского гнета». «Автономия различных частей Македонии, как средство политического успокоения страны, оказывается недействительной и неприложимой». Но справедливому, по мнению Н. П. Кондакова, проболгарскому пути разрешения проблемы встречается противодействие, основывающееся на «политических видах и горизонтах, ныне в этом вопросе усматриваемых». Явно и откровенно симпатизируя Болгарии, Н. П. Кондаков все же не может пройти мимо явно проавстрийской и антироссийской политики болгарского правительства. И он находит ей оправдание: «Уже многие теперь, сознавая всю историческую справедливость предоставления Македонии болгарам, спешат, однако, возразить против этого с точки зрения политического равновесия». «По этому случаю вновь припоминают и перебирают по звеньям всю цепь исторических несправедливостей, останавливаясь, главным образом, на обоих трактатах: Сан-Стефанском и Берлинском». Вследствие подобной ситуации «Болгария, в своей политике, унижается до политической интриги и, следовательно, стремится к усилению третьего посредника, т. е. исконного врага славянских национальностей на Балканском полуострове — Австрии» (Кондаков 1909: 290–298).

Но при этом политическая ангажированность Македонской экспедиции нисколько не умаляет ее научных результатов. Скрупулезный анализ древних архитектурных памятников Македонии, составивший значительную часть фундаментального издания Н. П. Кондакова «Македония: Археологическое путешествие», внес существенный вклад в изучение культуры этой страны и реконструкции этнической истории края. Это исследование сохранило свою научную значимость вплоть до наших дней (Бутырский 2002; Савельев 2004).

С момента проведения экспедиции в Македонии в 1900 г. до выхода монографии Н. П. Кондакова прошло девять лет. Книга увидела свет только в 1909 г., в год прихода к власти в Константинополе прогермански настроенных кругов. Столь большую задержку в издании можно объяснять сложностью темы,

большим объемом и противоречивостью полученного материала и прочими традиционными для научных публикаций причинами; но, видимо, существовали и другие «отчетные» материалы, предназначенные для высшего российского руководства.

Весной 1902 г. на Балканы по служебной надобности отправился российский военный министр А. Н. Куропаткин. Среди многочисленных бумаг, относящихся к этому вояжу и содержащих в основном сведения военного характера, имеются две интересных рукописи (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4–1902. Д. 37. Л. 1–31) с материалами поездки Н. П. Кондакова в Македонию в 1900 г. Столь оперативно подобные сведения могли поступить в Военное ведомство только от участников экспедиции. Текстуальные совпадения этих документов с введением, заключением и некоторыми иными частями будущего труда Н. П. Кондакова «Македония. Археологическое путешествие» позволяют считать академика их автором.

В начале первой рукописи дается оценка балканской политике Австро-Венгерской империи: «Изобретена даже целая политическая доктрина невозможности для Австрии вести основную ныне для всяких держав колониальную политику и необходимости для нее ввиду того колонизовать соседний Балканский полуостров». При этом автор рукописи ссылается на мнение известного археолога и слависта Л. Нидерле (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4–1902. Д. 37. Л. 3об). Здесь же формулируются и задачи экспедиции: «Изложенное запутанное положение вопроса об языке главной массы населения Македонии побудило нашу Академию наук послать в 1900 г. в Македонию для этнографического ее исследования особую комиссию из 3 профессоров, глубоких специалистов по славянам Востока Кондакова, Лаврова и Милюкова» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4–1902. Д. 37. Л. 11об).

В данном случае главной целью провозглашаются лингвистические исследования. Это объясняет, почему второй документ озаглавлен «Вопрос об отношении македонских говоров к болгарскому и сербскому языкам». Главным итогом этой рукописи являются предложения относительно области разделения территории Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией. «Исторические права определяются не утраченным завоеванием, но воззрением своей национальности и собственной культуры. В этом смысле права Болгарии ограничиваются на юг линией от Андрианополя⁸ через Серос, и далее через Салунь,⁹ Веррия,¹⁰ Монастырь до Орхиды и Струги» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4–1902. Д. 37. Л. 24).

Что касается албанцев, то автор рукописи отмечает «искусственность расселения албанцев на чисто славянских землях в целях угнетения последних» и настаивает на необходимости «во имя исторической правды внедрения албанцев в основные их пределы, с предоставлением славянам очищенного таким образом нового пути к Адриатике», что «будет второй по важности задачей, после освобождения славян от турецкого ига, в разрешении македонского вопроса».

⁸ Андрианополис — греческое название г. Эдирне (Турция).

⁹ Современные Салоники, которые болгары хотели видеть будущей столицей свободной Македонии.

¹⁰ Веррия — город в восточной части Македонии.

Автор записки не оставил без внимания и третью сторону конфликта: «Говорить о греках приходится только лишь в предположении какой-либо обще-европейской попытки расчленить Македонию между всеми ее претендентами» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4–1902. Д. 37. Л. 26–27).

Мы видим, что спустя немногим более года после окончания экспедиции в Главном штабе уже имелись материалы с заключениями и предложениями, которые были подкреплены научными данными и мнением «трех профессоров, глубоких специалистов по славянам Востока». Основным итогом этих документов является обоснование возможных границ Болгарии, близких границам, предусматривавшимся Сан-Стефанским договором. Трудно предположить, что российские дипломаты при заключении договора в 1878 г. руководствовались лингвистическими особенностями населения Македонии, тем более что эти особенности не были известны российским ученым и в 1900 г.

В Военно-историческом архиве также имеется сборник «Пять этнографических карт Македонии» с запиской П. Н. Милюкова, датированной 1900 г. (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5, доб. Д. 468. Л. 3). Значит, и Павел Николаевич тоже предоставил свои соображения по македонскому вопросу властям преемствующим.

Трудно поверить, что ученые, имена которых упоминаются в этой статье, преследовали какие-либо меркантильные интересы, выполняя конфиденциальные поручения. Отношения власти и научного сообщества в те времена были иными, нежели спустя двадцать лет и позднее. Представляется, что не существовало того отчуждения между наукой и государством, которое появилось во времена советской власти, когда выполнение учеными тайных поручений государства вызывало скрытое или открытое осуждение коллег. Поручения, хоть и конфиденциальные, но ведущие к пользе государства российского, воспринимались профессорами с пониманием и поддержкой. Н. П. Кондаков здесь — не исключение. Достаточно вспомнить его спутника в Македонии П. Н. Милюкова, далеко не обласканного императорской властью, которая ставила ему препоны даже в Болгарии. Милюков вполне мог отказаться от участия в экспедиции, особенно после того, как болгары вынуждены были, по требованию России, лишиться его права преподавать в Софийском университете. Но руководство университета выплатило П. Н. Милюкову деньги до конца контракта, т. е. до конца 1900 г. Так что на момент начала путешествия средства на жизнь у П. Н. Милюкова были. И хотя отношения опального ученого с Н. П. Кондаковым были далеко не безоблачные, он принял участие в экспедиции, политический подтекст которой не был секретом, и даже предоставил в распоряжение военного ведомства свои соображения по македонскому вопросу.

Близость мировосприятия университетской профессуры и высшей администрации империи позволяла им находить взаимопонимание в далеких от науки областях. В какой-то части это может объясняться тем, что высшая государственная власть в России того времени в основном была представлена чиновниками с гуманитарным образованием.¹¹ Это могло быть одним из фак-

¹¹ В оппозиции власти обычно стояли представители технической интеллигенции (см.: Куликов 2003).

торов близости археологического сообщества власти и его последовательности в реализации правительственных устремлений.

Литература

- Басаргина Е. Ю.* 1999. Русский археологический институт в Константинополе. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Беляев Л. А.* 2001. Христианские древности. СПб.: Алетейя.
- Брюсов В. Я.* 1903. Разрешение македонского вопроса // Новый путь 3. 228–231.
- Бутырский М. Н.* 2002. «Нигде не знаем ничего подобного...» Археологическое путешествие академика Н. П. Кондакова по Македонии // Истина и жизнь 9. 56–63.
- Въжарова Ж. Н.* 1960. Руските ученин и българските старини. София: Б. и.
- Гопцевич С.* 1899. Старая Сербия и Македония. СПб.: Тип. В. В. Комарова.
- Известия Русского археологического института в Константинополе. 1899. Т. 4. Вып. 4. София.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. 1997. М.: Восточная литература.
- Кондаков Н. П.* 1904. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Имп. Акад. наук.
- Кондаков Н. П.* 1909. Македония. Археологическое путешествие. СПб.: Отделение рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук.
- Куликов С. В.* 2003. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений // Н. Н. Смирнов (ред.). Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920 годов. СПб.: Дмитрий Буланин. 54–71.
- Лавров П. А.* 1909. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб.: Тип. М. Стасюлевича.
- Лавров П. А.* 1914. Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск: Олонец. губ. тип.
- Лавров П. А.* 1913. Балканский союз и Сербия. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов.
- Лисовой Н. Н.* 2006. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик.
- Милюков П. Н.* 1990. Воспоминания. Т. 1. М.: Современник.
- Милюков П. Н.* 1899. Сербско-болгарские отношения по македонскому вопросу. София.
- Перегудова З. И.* 2000. Департамент полиции и П. Н. Милюков // В. В. Шелохаева (ред.). П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. М.: РОССПЭН. 415–423.
- Результаты македонской экспедиции 1900 года. 1901 // Византийский временник VIII. 688–691.
- Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. 2000. М.: Междунар. отношения.
- Савельев Ю. Р.* 2004. Архитектура Византии в трудах Н. В. Кондакова // И. Л. Кызласова (сост.). Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М.: Русский путь. 233–239.
- Этнографические сведения о Македонии и Старо-Сербии. 1889 // Русский инвалид. 7 июня. 121.
- Crampton R. J.* 1983. Bulgaria 1878–1918. A History. New York: East European Monographs.